

Если чисел в том или ином месяце не два, а три, то второй столбец, как мы предположили, должны образовывать вторые и третьи числа, в их совокупности. Гипотеза о том, что матрица «злых дней» должна разбиваться на две части по вертикали, возникла у нас не только из того, что таковых дней в большинстве списков 24, то есть вдвое больше количества месяцев. Мы принимаем во внимание еще два обстоятельства. Во-первых, в XVI–XVIII вв. подобные списки входили в корпус «Лунников», и если составители списков уподобляли структуру календарного месяца лунному периоду, то подобно второму из них, маркированному середине, в свой 15-й день, полнолунием, календарный отрезок тоже должен подразделяться надвое и иметь маркером число 15. Во-вторых, в русской средневековой книжности и число 15, и Луна ассоциируются с образом Богородицы,¹¹ а во многих рассматриваемых списках, и это составляет единственный момент сходства их элементов, маркирована дата 25 марта — один из древнейших богородичных праздников. Если число 15 — это рубеж для первого и второго столбцов матрицы, то, на наш взгляд, характеристика, заложенная во второй столбец, в самом способе своего возникновения должна соотноситься с числом 15: от него должно отсчитываться (чтобы внести свой вклад в эту суммарную характеристику) каждое число второго столбца. Иначе говоря, суммарная характеристика второго столбца рассчитывается по формуле:

$$\sum_{i=1}^{12} (n_i - 15),$$

где i — номер месяца, n_i — «второе» («третье») число внутри строки данного месяца.

Обращает на себя внимание, что в матрицах I и V оказалась одинаковой одна из суммарных характеристик, а именно число 59. И 59 (=29,5×2), и 114 (=28,5×2×2) кратны тем числам, которые весьма близки к величине лунного месяца.

На Руси известна с XVI в. величина лунного месяца, равная 29,5 дней; заметим, что именно эта величина месяца, как нами показано выше,¹² закодирована в структуре русской старообрядческой листовки, причем в тексте «Сказания о листовке» соотносимые числа (38/40 нед. = 9 мес.) впрямую связаны с Богородицей.

Приведем итоговую сводку суммарных характеристик для пяти списков:

I		II		III		IV		V	
\sum_1	\sum_2	\sum_1	\sum_2	\sum_1	\sum_2	\sum_1	\sum_2	\sum_1	\sum_2
59	114	57	27	59	67	46	72	136	59
=29,5×2	=28,5×4	=28,5×2		=29,5×2					=29,5×2
						$\sum_1 + \sum_2 = 118$			
						$= 59 * 2 = 29,5 * 4$			

Итак, обнаружилось, что в матрицу каждого из этих пяти списков как бы заложена величина лунного месяца, причем в четырех из пяти фигурирует одно и то же число — 59 (удвоенная величина лунного месяца). Приверженность составителей списков «злых дней лунных» к константам лунного месяца и структурной организации матрицы чисел носит инвариантный характер, при том, что варьирует набор элементов — конкретных дат.

Чтобы соотнести историко-культурный контекст этих списков — их свойство быть «божеским посланием» — и структурную ориентированность на величину лунного месяца, требуется учесть следующие черты, присущие эзотерической символике чисел в русской христианской книжности (продемонстрированные В. М. Кирилличем): число 15 ассоциировано не только с луной и Богородицей, но и с образом Христа; уже с XVI в. использование приемов гематрии, или «теософско-каббалистического сокращения»¹³ при оперировании с числовыми индексами слов на основе алфавита.

Слово «луна» на древнееврейском языке — לב — имеет числовой индекс, согласно традиционной гематрии, 87, что равно 29×3 и 87–15(=8+7). Греческое слово «полнолуние» — πανσεληνος имеет индекс 508 = 29×17 + 15. Русское слово *луна*, согласно счислению на основе кириллицы, имеет индекс 481 = (28×8 + 28,5×8 + 29). Иначе говоря, в древнееврейском, и греческом, и русском языках слово «луна» / «полнолуние» своим числовым индексом ассоциируется с астрономической величиной лунного месяца, что, конечно, могло послужить предпосылкой для составления помесячной матрицы опасных дней. К такому же предположению можно отнести и числовое значение греческого слова $\text{O-}\omega\text{-N}$, неизменно воспроизводимого в православной иконографии Христа (в Его крестчатом нимбе) — одно из имен Бога, переводимое как «Аз есмь Сущий». Числовое значение имени в нимбе Христа равно 920. Нетрудно заметить, что и этому имени, и словам «луна», «полнолуние» присущи одинаковые числовые элементы, ассоциируемые с величиной лунного месяца. Итак, видимому, при структурной организации числовых списков их скрытый модуль — 29,5 — в качестве своей историко-культурной предпосылки мог иметь именно то число, которое ассоциировалось, в сознании средневекового книжника, в одно и то же время и с Богом Ветхого Завета, и с Христом.

Подчеркнем, что в совокупности дат, охватываемых всеми десятью списками, только две совпадают с календарными днями двенадцатых господних праздников — Сретения и Преображения. Отметим, что в своем

сюжете эти праздники прямо увязывают Новый Завет с ветхозаветными персонажами. С учетом этого полагаем, что составители матричных списков опасных дней стремились подтвердить, соотносясь с языком чет, космологическую связь Богородицы и Христа не только с природным ночным светилом, но и с грозным карающим Богом Ветхого Завета.

¹ Памятники литературы Древней Руси: XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 45.

² См.: Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа легенды. СПб., 1901. Т. 2. С. 24–29, 97–109.

³ Михайлова Т. В. Колдовские процессы в России: официальная идеология и практика «народной религиозности» (1740–1801). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. (Прил.).

⁴ А. П. [Архимандрит Палладий] Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 149; Борисовский А. свщ. Приметы, обычаи и пословицы в пяти волостях Нижегородского уезда // Нижегородский сб. Нижний Новгород, 1870. Вып. III. С. 209. (Автор публикации не упоминает о неправославной конфессиональной принадлежности крестьянина с. Чернуха, из рукописной тетради которого он выписал таблицу «неурочных дней», однако известно, что в этом селе уже тогда проживали в основном старообрядцы.)

⁵ Михайлова Т. В. Указ. соч. С. 266.

⁶ Перетц В. Н. Указ. соч. С. 97.

⁷ Там же. С. 109.

⁸ А. П. Указ. соч. С. 149. О запретах выходить и в церковь, и на учебу говорится в рукописи XVII в.: См.: Перетц В. Н. Указ. соч. С. 110.

⁹ Перетц В. Н. Указ. соч. С. 111.

¹⁰ Борисовский А. Указ. соч. С. 13.

¹¹ Об этом см.: Кириллич В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI вв.). СПб., 2000. С. 54–55, 135, 137–139.

¹² Островский А. Б. Константы времени в старообрядческих листовках // Время и календарь в традиционной культуре. СПб., 1999. С. 160–161.

¹³ Кириллич В. М. Указ. соч. С. 38–41, 62–65.

А. Б. Ипполитова

Ритуалы сбора растений в русских рукописных травниках XVIII в.

Русские рукописные травники, содержащие богатый материал по мифологии растений и суевериям, остаются пока малоизученными источниками.¹

Наши наблюдения над ритуалами сбора трав основаны на материалах около 30 травников из рукописных собраний Москвы и Петербурга, а также опубликованных,² где нами выявлено около 50 растений, для которых регламентировалось время и / или ритуал сбора (что составляет более 10 % всех известных нам по травникам растений).

Представления о ритуале в травниках

Ритуалы сбора растений, описанные в травниках, могли строиться на основе темпорального, акционального, предметного и вербального кодов.

В некоторых случаях в травниках сообщалось, что то или иное растение (бель, одолен, прыгун, солнешник, черная папороть) следовало собирать непростому или непростому человеку (солнешник), а также что нельзя собирать растения неведаячи и незнаючи (земезья). Под непростым человеком здесь понимался человек, обладающий особым знанием: каким именно образом нужно собирать данную траву. Следствием незнания ритуала могло стать физическое (земезья) или психическое (ратма, сова) увечье. Сбор ряда растений был сопряжен с сильным эмоциональным стрессом, чувством страха (золотоква: «А врать ея очень страшно, а когда сорвешь, то беги как можно скорей и назад не оглядавайся»;³ месечная черная папороть), опасностью (арис).

Некоторые растения стремились не попадаться человеку на глаза: «И та трава иному покажетца, иному и нет» (осот);⁴ «И та трава дается одному человеку, а другому не дается — на том месте не найдешь тое травы» (земезья).⁵

Еще одно условие для благополучного сбора растений — чистота человека во время сбора (полотая нива, ратма: «... чтобы был тот человек чист, а буде нечист, ино ударит ево черная немочь о землю и лежит три часа, олда встанет от земли»;⁶ сириндарх херуз; ургодан).

Темпоральный код

Темпоральная составляющая ритуалов сбора могла строиться на календарном, суточном цикле, на фазах луны.

Календарное время сбора растений согласно травникам — преимущественно весенне-летний период: апрель (пострел боровой — 9 апреля; прострел — разные числа апреля), май (ливакум, солнешник) и время

недалеко от Иванова дня (23 растения). В единичных текстах упоминаются Троица (ворсон, заря огородная) и Петров день (детловина, крапива стрекучая, пуп водяной).

Суточное время сбора для 8 «ивановых» трав — это канун Иванова дня, заря, раннее утро (адамова глава, измодник, семитар, татарин), время между заутренней и обедней в Иванов день (адамова глава, черныбылец), ночь на ивановой неделе (сильный лом); воскресенье до восхода солнца (святая верба). Для «невановых» трав ночь (левушпа); воскресенье утро (полотая нива); в единичных текстах — полдень (могильная), вечер (сова).

В двух травниках предписывалось собирать лобые травы на ущербе луны с тем, чтобы увеличить их целебную силу: «Указ о всяких травах. Всякая трава на ветку лутче рвать, оне живут ко всяким болезнем».¹

Вербальный код

Вербальный код выражался в произнесении приговоров, заговоров или молитв при сборе растений.

Иногда в рукописях приводился общий текст, рекомендовавшийся для сбора любых трав, например: «И каждую траву рвать или рыть с приговором, говорить сие три раза: „Господи благослови, и ты, Мать сыра земля, благослови сию траву сорвати, ты ея уродила для человека ко всякому подобию и человеку на пользу, для того я тебя и беру. От земли трава, а от Бога лекарство. Аминь“. Три раз[а]».²

Но чаще вербальный текст рекомендовался при сборе конкретного растения. При этом полнота информации об исполняемом тексте могла быть различной:

1. В рукописи указывалось на необходимость произнесения некоего текста при сборе (приговор или заговор: одолен, перекоп, молчан, детловину, ябедник; восемь молитв: иван).

2. В рукописи указывалось название конкретного текста, как правило, молитвы («Отче наш»: адамова глава, полотая нива, святая верба, сова, ургодан; «Агимариам»: полотая нива, сириндарх херуз, ургодан; «Царю небесный»: ургодан; псалом «Помилуй мя, Боже»: адамова глава, святая верба, ургодан, цемравная; символ веры «Верую во единого Бога»: цемравная, ургодан; триста молитв Иисусовых: адамова глава; тропарь «Днесь спасению нашему начаток»: святая верба).

3. Текст заговора или молитвы приводился полностью:

1) Краткие формулы: «Помой!» (орешник); «Господи, благослови, Господи, помоги и Господи, оград!» (детловина);³ «Матка травам, а мне же или нам надобе» (детловина).¹⁰

2) Развернутые тексты (святая верба, молчан, папоротник без сердца, варахия, адам-трава). Это преимущественно заговоры, причем функциональной направленности и лишь отчасти ориентированные на сбор растения. Например: «Господи, благослови мя, Отче, сию добрую траву взяти, иже в себе не имеет сердца. Так бы не имели сердца на раба Божия (имярек) недруги мои и супостаты и вси человецы. И как люди радостны бывають и убивають о серебре, так бы радостны были о мне, рабе Божии (имярек), вси человецы. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав во мне» (папоротник без сердца).¹¹

Типы ритуалов

Ритуал окружения (то есть заключение растения в круг перед сбором) известен нам из описаний 11 трав (адамова глава, архилин, детловина, земляные орешки, молчан, напахт, одолен, папороток без сердца, семитар, цемравная и из единичных вариантов об адамовой главе, одолене и царе Симе). Для создания круга использовались изделия из серебра и золота (или их заменители: вместо золота — сотовый воск (одолен), вместо серебряной цепочки — гайтан (царь Сим): «А ту траву рвать сквозь серебряную нитку» (молчан);¹² «... прежде рвать, как найдешь ту траву, и ты ея очерти с молитвою серебром или золотом» (детловина);¹³ «А как ее станет имашь, от солнца стени не наводи, а положи круг ся по копейке со все четыре стороны, кроючи» (цемравная; Кавелин: 532);¹⁴ «И та трава имать на Иванов день в Купальницу ввечеру или на зоре, или поутру рано, пронять сквозь злату гривну или сребреную» (адамова глава).¹⁵

Упомянутые предметы или вещества можно разделить на три группы: 1) вещества (воск сотовый, серебро, золото); 2) предметы с отверстиями (гайтан, крест серебряный, гривна; гривна золотая или серебряная, кольцо золотое, перстень золотой, нить золотая или серебряная, цепочка золотая или серебряная); 3) деньги (100 копеек серебряных, копейки).

Акциональная парадигма ритуала окружения также сводится к трем основным вариантам: а) растение проникают сквозь отверстие в предмете (предметы группы 1) или 2); б) вокруг растения кладут деньги (предметы группы 3); в) вокруг растения очерчивают круг (в частности, серебром или золотом).

Очевидно, что все варианты предметного и акционального кодов в данном ритуале синонимичны, то есть, во-первых, использование золота, серебра и воска равнозначно использованию золотых и серебряных предметов с отверстиями и денег; во-вторых, действия пронимания, обсыпания деньгами и очерчивания тоже равнозначны друг другу.

Об особой значимости ритуала окружения говорит его приуроченность к Иванову дню (8 растений из 11).

Ритуалы выкупа, когда взамен выкопанного растения кладется какой-нибудь предмет, встречаются в травниках реже. Так, при сборе прострела полагалось положить на место растения пасхальное яйцо, при сборе растения полотая нива — серебряную или золотую монету: «... а отпустить тут златая или денга серебряная».¹⁶

Прочие ритуалы сбора были более индивидуальными. Они могли иметь весьма развернутые сценарии (полотая нива, ургодан, папороток черная, святая верба, семитар, сириндарх херуз) и, напротив, простые, для которых укажем основные элементы предметного и акционального кода.

Предметный код: а) вещества — растения выкапывали, не применяя железных (полотая нива, святая верба) или деревянных инструментов (святая верба); б) насекомые — измодник, использовавшийся для вода пчел, следовало срывать, имея при себе пчелиную матку; в) растения — в сборе золотовки должны были помочь растения царь Мурат и плакун (обоим растениям в травниках приписываются мощные апотропейные свойства; о плакуне в травниках прямо говорилось, что без него не следует собирать травы, так как они не будут иметь силы); г) вещи — адамову главу и архилин надо было собирать «с крестом» (остается неясно, шла ли речь о натальном кресте или крестном знамени); растения полотая нива, святая верба, муравей следовало оборачивать во время или после сбора в драгоценную ткань.

Акциональный код: а) сбор растений, стоя лицом к солнцу: так, чтобы на них не упала тень собирателя (орешник, цемравная; рекомендация на сбор трав: «... и копая всякою траву лицом к сонцу, чтоб твоею стенью не застенила травы» [Вел. 26, л. 279 об.]);¹⁷ б) поклоны растению (сириндарх херуз, ургодан); в) брать растение тремя пальцами правой руки и большим пальцем левой (святая верба); г) дать растению «пить» из сосудов (сириндарх херуз).

Об атрибуции ритуалов

Исследования ритуалов сбора трав, описанных в травниках, еще раз подтверждают тезис Ф. И. Буслаева о гетерогенности происхождения этих источников. Так например, ритуалы окружения, близкие описанным выше, известны по античным источникам (Геофраст, Плиний, Псевдо-Апулей), средневековым западноевропейским рукописям, старопечатным гербариям XVI в. (гербарий И. Бока) Более отдаленные параллели имеются в русской народной традиции (сбор папоротника). Изучение истоков ритуалов сбора в будущем позволит приблизиться к ответу на вопрос о происхождении русских травников.

¹ См.: Ипполитова А. Б. Этноботаника в русских травниках XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII ввек. М., 2002. С. 394–419.

² Ипполитова А. Б. Этноботаника в русских травниках XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII ввек. М., 2002. С. 394–419.

³ Лицевой травник. F.VI.16. Конец XVIII в. РНБ, л. 170б.

⁴ Травник, 33.15.192. Конец XVIII в.; БАН, л. 60б.

⁵ Лицевой травник. Муз. 4492. Конец XVIII в.; РГБ, музейное собр., № 4492, л. 54об, 55.

⁶ Там же, л. 55об.

⁷ Травник. Q.VI.33.XVIII в.; РНБ, л. 1.

⁸ Лицевой травник. F.VI.16. Конец XVIII в. РНБ, л. 1.

⁹ Травник 45.8.168. Последняя четверть XVIII в. БАН, л. 100б.

¹⁰ Лактин М. Ю. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911. С. 73.

¹¹ Травник 45.8.175. Конец XVIII в.; БАН, л. 130б.

¹² Там же.

¹³ Травник 45.8.168. Последняя четверть XVIII в. БАН, л. 100б.

¹⁴ Архимандрит Леонид (Кавелин). Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 532.

¹⁵ Сборник выписок из лечебника, травника, астрологических сочинений и др. Унд. 1072. РГБ, собр. В. М. Ундольского, № 1072, л. 26.

¹⁶ Травник. Q.VI.33.XVIII в.; РНБ, л. 2.

¹⁷ Лечебник, Вел. 26, Вторая четверть XVIII в., ИРЛИ, собр. Величко, № 26, л. 279об.

А. Б. Островский

Облик благочестивого старообрядца глазами православного населения во второй половине XIX в.

К середине XIX в. сосуществование в ряде регионов России старообрядцев и православных в рамках одной и той же сельской общины становится неоспоримым социальным фактом, о чем свидетельствуют результаты обследований, проводившихся по инициативе МВД и губернских комитетов. Выявляя численность «раскольников» и факторы, препятствующие их интеграции с официальным православием, авторы таких обследований описывали также взаимоотношения православного населения и «раскольников», специфические черты быта и обрядности у последних. Результаты обследований, вероятно, в небольшой мере были подотчетны государственно-синодальной цензуре. Можно полагать, что и этнографические работы, содержащие конкретно-бытовые сведения по отдельным группам «раскольников», и те корреспондентские материалы, что поступали в РГО в 1849–1860-х гг. и Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева в конце 1890-х гг., не подвергались жесткой цензуре. Таков основной круг источников, использованных автором и